

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/162-173

Научная статья

© Г. С. Поповкина

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

В результате массового переселения из центральных регионов на Дальний Восток восточные славяне оказались в непривычном этнокультурном окружении, новой экологической нише. Кроме трудностей хозяйственного освоения новой территории, переселенцы столкнулись с нехваткой медицинской помощи, вследствие чего были особенно востребованы приемы народной медицины, адаптированные к дальневосточным условиям. Несмотря на глубокие исследования отдельных аспектов народно-медицинской практики переселенцев, до сих пор не проводилось комплексное изучение их лекарских традиций, в этнографической литературе мало подробностей освоения таёжного сырья в лечебных целях. В статье проверяется гипотеза о возможности использования произведений художественной литературы в качестве источника по изучению народной медицины восточных славян-дальневосточников. Для анализа выбраны произведения писателей-дальневосточников, чья деятельность тесно связана с путешествиями и изучением родного края. При выборе произведений учитывались особенности личности писателя, вехи его биографии, специфика писательского стиля, например, отношение к описанию подробностей повседневной жизни. Сделан вывод, что литературные произведения дальневосточных писателей могут явиться дополнительным источником для изучения народной медицины славянских переселенцев в их взаимодействии с местным населением, другими переселенцами, выявления особенностей адаптации к новой культурной и экологической среде, а в некоторых случаях выступить причиной для пересмотра и уточнения уже имеющихся сведений.

Ключевые слова: народная медицина, восточные славяне, Дальний Восток, старообрядчество, художественная литература.

Ссылка при цитировании: Поповкина Г. С. Произведения художественной литературы как источник для изучения народной медицины восточных славян Дальнего Востока России // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 162–173.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/162-173

Original Article

© Galina S. Popovkina

FICTION AS A SOURCE OF INFORMATION ABOUT TRADITIONAL MEDICINE AMONG THE EASTERN SLAVS IN THE RUSSIAN FAR EAST

After the mass migration from the central regions to the Far East, the Eastern Slavs found themselves in an unusual ethnocultural and ecological environment. The new settlers faced a lack of medical care, so the methods of traditional medicine adapted to the Far Eastern conditions were in particular demand. The medical traditions of migrants have not been studied comprehensively yet, although there have been pro-found studies of individual aspects of folk medical practices. The article attempts to use fiction as a source for studying traditional medicine of the Eastern Slavs in the Far East. For the analysis we selected the works of writers from the Far East who traveled and studied their native land. It is concluded that fiction by Far Eastern writers can be an additional source of information about folk medicine of Slavic settlers in their interaction with the local population, other settlers, and adaptation to a new cultural and ecological environment. In some cases, fiction can encourage revision of the already known information.

Keywords: folk medicine, Eastern Slavs, the Far East, Old Believers, fiction.

For citation: Popovkina, G. S. Fiction as a Source of Information about Traditional Medicine among the Eastern Slavs in the Russian Far East. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 162–173.

Author Info: Popovkina, Galina S. — Ph.D. (hist.), Senior Researcher, Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the Far-East Far Eastern Branch Russian Academy of Science (690001 Russia, Vladivostok, Pushkinskaya st., 89). E-mail: galina.popovkina@gmail.com ORCID: 0000–0001–6521–8658

Народная медицина как важнейшая составляющая традиционной культуры любого народа неоднократно становилась предметом изучения для этнографов. Анализу традиционных лечебных практик восточных славян посвящены работы С. И. Дмитриевой, М. Н. Власовой, И. В. Волохиной, А. А. Воронова, Н. Е. Мазаловой (Грысык), Л. И. Никоновой, В. Я. Темплинга, В. И. Харитоновой и др. Масовое переселение славян из центральных регионов на Дальний Восток началось в середине XIX в. Оказавшись в непривычном этнокультурном окружении и новой экологической нише, кроме трудностей хозяйственного освоения новой территории переселенцы столкнулись с нехваткой медицинской помощи, вследствие чего были особенно востребованы приемы народной медицины, адаптированные к дальневосточным условиям. Народной медицине восточных славян юга Дальнего Востока России посвящен ряд работ, первой из которых явилась статья Л. Е. Фетисовой, обратившей внимание на традиции лечебной практики восточнославянского на-

селения и выдвинувшей важное положение о возникновении единого культурного пространства на осваиваемых славянами территориях (Фетисова 1997). В рамках исследования старообрядчества Ю. В. Аргудяевой были рассмотрены и некоторые особенности лечебных практик в крестьянских семьях на Дальнем Востоке (Аргудяева 1997; 2000). Как специфическая область народной медицины изучено знахарство в работе Г. С. Поповкиной (Поповкина 2008). В ходе исследования этномедицины народов Дальнего Востока освещены некоторые аспекты народной медицины восточных славян в монографии В. В. Подмаскина (Подмаскин 2011). В то же время очевидно, что многие методы распространения специфических дальневосточных приемов самолечения прочно укоренились в повседневной практике восточных славян. Однако до сих пор народная медицина не становилась предметом специального изучения, вследствие чего отсутствует ее всестороннее описание, что обуславливает актуальность ее исследования. Кроме того, в современном мире происходит растворение народных традиций под влиянием глобализации. Поэтому исследование различных феноменов традиционных культур с целью их сохранения получает все большее значение.

Источником, заслуживающим внимания исследователя-этнографа и антрополога, могут стать произведения художественной литературы, которые демонстрируют сразу большой объем наблюдений за повседневной жизнью дальневосточников, исследователь словно находится «в поле», но наблюдает за происходящим глазами писателя. Кроме действия произведения, описания характеров героев и их развития, литература дает возможность видеть большую часть будничной жизни, которая может оказаться недоступной исследователю при выезде в поле. Без сомнения, выбирая прозу для изучения, необходимо принимать во внимание особенности личности писателя, вехи его биографии, особенности писательского стиля, например, отношение к описанию подробностей обыденной жизни. Народно-медицинская практика, как одна из наиболее востребованных в повседневной жизни, нашла свое отражение в работах писателей-дальневосточников. В литературных трудах описаны и конкретные способы лечения, и некоторые представления о болезнях и лекарствах в традиционной медицине. В статье будет проанализировано описание в художественной литературе методов народной медицины восточнославянских переселенцев на юге дальневосточного региона России, вынужденных сохранять и возвращать здоровье в суровых условиях выживания в дальневосточной тайге. Анализ будет проводиться с помощью гипотетико-дедуктивного метода: будет проверяться гипотеза о возможности использования произведений художественной литературы в качестве источника по изучению народной медицины восточных славян-дальневосточников. Для чего будет произведен поиск ответов на интересующие исследователя вопросы в литературных произведениях, а полученные сведения будут сопоставляться с уже имеющимися материалами.

Для анализа выбраны произведения писателей-дальневосточников, чья деятельность тесно связана с путешествиями и изучением родного края. Так, творчество И. У. Басаргина, писателя со старообрядческими корнями, стало возвращаться к читателю после длительного забвения. Отличительные черты его произведений — разнообразие и глубокие характеры героев, красочное описание таежных пейзажей и чуткое внимание к деталям быта, документальная точность их описания, иногда созданная с помощью всего лишь нескольких слов. За многие годы скитаний и вы-

нужденных переездов, сопряженных с голодом и лишениями, Басаргины сохранили старообрядческие традиции лечения, которые хорошо прослеживаются в произведениях и дневниковых записях Ивана Ульяновича. Материалы по традиционной медицине можно почерпнуть в литературном творчестве путешественника Ю. В. Вознюка, писателя и эколога М. С. Деменка, писателя, общественного деятеля, охотоведа В. П. Сысоева, писателей Н. А. Кортелева, С. И. Петрова и др.

Траволечение

Самая распространенная область народной медицины у восточных славян — траволечение. В новых экологических условиях переселенцы учились использованию таежных дикоросов. Наиболее известным своей лечебной силой и овечьими многочисленными легендами лекарственным растением является женьшень. Во многих повестях и романе «Дикие пчелы» И. У. Басаргина он также неоднократно упоминается: «Это такой корень, кой стоит здесь дороже золота. Его пьют и едят от всякой хворобы. Будто старик молодеет на десятки лет» (*Басаргин* 2016: 163), и далее: «Настой того корня пьют самые богатые купцы и мандарины. Пробовал и я пить тот настой, но только без веры-то в него силы не почувял. Так трава травой. Пахнет чуток землей и сыростью и не более» (*Басаргин* 2016: 200). Православный верующий связывает свойства лечебного снадобья из женьшеня с верой в его действенность, что, в целом, характерно для мировоззрения восточных славян: например, лекари читали православные молитвы при сборе женьшеня: «...И я читал их (гольдов) молитвы, но когда пробовал читать свои, мне везло больше» (*Поповкина* 2008: 57).

Применение женьшеня описано и в произведениях других авторов. Рецепты использования женьшеня для лечения близорукости и слабости продемонстрированы в романе М. С. Деменка: «...У туземцев принято после сорока лет ежегодно принимать настойку женьшеня, якобы силу придает и глаз зорче становится» (*Деменок* 2002: 66), а для избавления от желудочно-кишечных заболеваний запаривали лист женьшеня кипятком и пили полученное снадобье (*Деменок* 2002: 66). Для возвращения сил и зрения настой женьшеня регулярно принимали в течение нескольких лет: «...В корень женьшень как-то не верил. Попил я его первый год, куда и слабость делась! На второй год — очки сбросил, и с тех пор вот по сопкам, как козёл, никакого одушья не чувствую» (*Жиденков* 1982: 257).

Женьшень использовали в качестве общеукрепляющего снадобья как самостоятельное средство, так и в составе целебных сборов: «Выпивая натошак по полстакана сока и столько же чая, заваренного на листьях мяты, полыни и женьшеня, Лазо уже на третий день почувствовал облегчение и прилив жизненных сил. А через неделю хворь будто рукой сняло» (*Деменок* 2002: 212).

Ю. В. Вознюк дает почти академическое описание свойств женьшеня на страницах своих книг: «Он не обладает побочными вредными воздействиями и мало того, снижает токсичность других лекарств, не мешая их прямому назначению. Этот удивительный безвредный стимулятор применяется при лечении нервных и психических расстройств, заболеваний сердечно-сосудистой системы, он отодвигает старость, успешно применяется при лечении ран, обмороживании, способен препятствовать изменению крови и противодействовать ядам» (*Вознюк* 1979: 340).

Использовать женьшень переселенцы учились у китайцев, и некоторые еще в начале XX в. становились искателями чудодейственного корня. Так, по оценкам Н. В. Кирилова, врача, активно интересовавшегося традиционными методами лечения дальневосточников, к 1913 году «искателей женьшеня в Уссурийском крае имеется не менее 500 человек; часть из них выбирает у лесничих особые билеты на право поисков с платою по 10 рублей за год». Ему же принадлежит идея по «огородному» выращиванию женьшеня с привлечением китайцев в качестве инструкторов, а также мака для получения опия, тутового дерева (шелковицы), конопли, которая, по его мнению, именно на Дальнем Востоке содержит «значительное количество гашиша, ценного в аптеке, и напрасно понимаемого некоторыми сельскими хозяевами как «пьяность плесневая, грибковая»» (Кирилов 1913: 3–4).

Освоили восточнославянские переселенцы и применение опийного мака. И. У. Басаргин так описывает его сбор и использование: «...И сбор начался. Тонкими ножичками сборщики очерчивали вокруг головок мака надрезы, оттуда вытекало маковое молочко, которое собирали лопаточками в плошки. Так из капелек набирались тусски макового молочка, которое затем разливали в противни, сушили, мяли, катали шарики» (Басаргин 2016: 55). Н. А. Байков пишет, что цветки мака «целебны, и старый зверолов тщательно срывает их, завертывает в бумажку и прячет за пазуху. Он знает, что целебная сила их велика и помогает от душевного расстройства и меланхолии» (Байков 2009: 187). Маковые головки использовали в отваре для улучшения сна у тяжелобольных: «Устин много спал. Не знала Груня, что баба Катя поила его отваром маковых головок, чтобы меньше ворочался, а больше спал» (Басаргин 2016: 374). Кроме того, исследователи отмечают, что переселенцы стали с успехом использовать малые дозы опия для лечения дизентерии (Аргудяева 2002: 24).

В произведениях дальневосточных писателей можно найти описание способов применения многих таежных растений. Ягоды лимонника «силы придают и усталость снимают» (Кортелев 2011: 13). Герой повести И. У. Басаргина «сварил чай, бросив в него для силы и запаха ягоды лимонника. И скоро согрелся. Быстрее побежала по жилам кровь, силы прибавилось» (Басаргин 1971: 125). Для бодрости также заваривали корни «красного винограда и чёртового дерева» («чертово дерево» — аралия маньчжурская или высокая, лат. *Agália eláta* — прим. авт.) (Деменок 2002: 212).

В таёжных условиях часто требовалось лечить раны, порой весьма серьёзные. Для этих целей широко употреблялся березовый сок и продукты пчеловодства: «Фельдшер-травник... промыл рану Шевченко берёзовым соком, а порез смазал свежим таёжным медом и раствором, приготовленным из пчелиного воска — прополиса с кедровой смолкой-живицей» (Деменок 2002: 212–213). Для лечения ран использовался не только сок дерева, но и березовая настойка, которая хоть и «вызывала адскую боль», но применялась «для затягивания ран» (Петров 2007: 143). Вообще, березовое сырьё активно применялось в хозяйственных и лечебных целях: из березы получали «Первое — лучина, деготь, ... второе — березовый сок, им, сами знаете, лечат простуду, лихорадку. — Третье — банный веник, а четвертое — береста» (Деменок 2001: 10).

Встречаются краткие упоминания о том, как лечили внутренние болезни. Так, для лечения «болезней желудка» употребляли отвары трехлистника (вахты трехлистной) (Басаргин 2016: 117), элеутерококка, который «зачислили в братья женьшеня» (Басаргин 2016: 562). От повышенного давления использовали в пищу ягоды калины:

«... После первых морозов ягоды калины будут сладкими, и сельчане будут готовить из ягоды сок, который применяют для снижения кровяного давления» (Кортелев 2011: 17) или шикши (Христофоров 1981: 320). В качестве противогинготного средства ели ягоды брусники, голубики, шиповника (Деменок 2009: 12, 41). Кроме того, как отмечают исследователи, переселенцы быстро оценили витаминные свойства черемши (Аргудяева 2002: 24).

Были известны восточнославянским переселенцам и растения со многими лекарственными свойствами. Так, например, «синий зверобой, он и от ран, и от желудочной отравы, может и от надсады подействовать» (Христофоров 1981: 99), а душица используется для лечения ран и «помогает и сердцу, она расширяет сосуды» (Христофоров 1981: 313–314). М. С. Деменок, путешествуя тропами В. К. Арсеньева, пишет, что «ягоды барбариса, содержащие аскорбиновую кислоту» применяются для приготовления различных целебных напитков, для лечения желудка, печени, для регуляции деятельности сердца», а «шиповник — средство от сорока болезней» (Деменок 2009: 40–41), желтый луб бархата (бархата амурского, лат. *Phellodéndron amurénse* — авт.) используют в народной медицине «от болезней печени и как мочегонное средство», мед с бархата — «коричнево-желтый, ароматный, самый целебный мед, особенно для тех, кто страдает туберкулезом» (Деменок 2009: 45).

Широко употребляли смолу деревьев, в частности, для лечения ран у людей и животных: «Макар залепил раны пса пихтовой смолой» (Басаргин 2016: 299; Басаргин 2008: 177). Примочками из кедровой смолы и бархатного подкорного лыка лечили язвенные высыпания от оспы (Петров 2007: 122). Смолистым соком — живицей орехового дерева таежники издавна лечили ожоги, гнойные раны, порезы (Деменок 2009: 15).

Традиционные представления о том, что лекарственные растения приносят только пользу и никогда — вред, отражены в рецептах с использованием многих компонентов. Так, сбор из разнообразных лечебных растений, забрус, обрезки сот, пергу применяли для приготовления медовухи, которую делали без дрожжей: «Выпили по кружке медовухи, которую лучше Макара никто не варил. Тут и настой лечебных трав, от которых, кроме пользы, никакого вреда, тут и мед липовый, перга» (Басаргин 2016: 253). Одновременное смешение большого количества лекарственных трав также характерно для подготовки особых травяных напитков, якобы обладающих особыми целительными свойствами. Например, был известен особый травяной напиток из «многих трав» — «травнушка» или «сороковица», который давали роженицам для быстрого восстановления сил и здоровья: «Повивальная бабка составляла состав из 40 трав — сороковицу. За месяц–два до родов сделают бражку, накладывают этих трав, после родов очень быстро поднимала на ноги — дня 2–3. Сороковица силы сильно дает» (Поповкина 2008: 38). Траволечение входило в спектр деятельности народных целителей — знахарей, одной из функций которых была помощь женщине в родах.

Знахарство

Родовспоможение было важной частью народной медицины. Почти до 30-х гг. XX в. в селах чаще всего рожали дома. Знахарок-женщин, помогавших роженицам, называли бабками, повитухами, повивалками, а их занятие называли — «бабничать»,

«бабить», «ходить бабушкой» или «ходить по бабушкам» (*Аргудяева* 1997: 164–165; *Словарь* 1983: 15, 206, 317). Практически в каждом селе была бабка-повитуха, а в больших селах их бывало несколько. Повитуха наблюдала за правильным течением беременности, помогала при родах, следила, здоровы ли новорожденный и его мать, умела править животы, кости, знала лекарственные растения (*Поповкина* 2008: 37–431).

Бабки-повитухи были хорошо известны; нуждающийся в помощи обязательно ее получал. Так, например, старообрядцы помогали не только своим близким: «бабушка Маремьяна Даниловна... помогала при родах, знала травы. Не так ребенок лежит — поправит. Корец за 10 километров ездил за бабкой русской, и она (жена его) родила. Бабушка наша помогла. Баню натопит, поправит головку ребенку» (ЛАТ дн.9).

Образ знахарки-повитухи неоднократно встречается в произведениях И. У. Басаргина. Прототипом знахарки бабы Кати в повести «Черный Дьявол», романах «Дикие пчелы» и «Распутье» явилась бабушка И. У. Басаргина по линии матери Екатерины, которая была известной повитухой в расположенных в Улахинской долине селениях Каменка и Нижние Лужки и которую, несмотря на ее молодой возраст, звали не иначе как баба Катя: «Бабка Катерина знала свое дело: и кости сложит, и пулю вынет из раны, живот поправит, кровь пустит, травами напоит. Многих она подняла на ноги. Её род деревенских лекарей идёт еще от времен тишайшего царя Алексея Михайловича» (*Басаргин* 1971: 177).

Герой новеллы И. У. Басаргина «На спине тигрицы» говорит о спасшей его после укусов тигра знахарке: «Вы наших бабок не хулите. Они были добрейшими старушенциями. Кровя заговаривали. От змеиного укуса легко отхаживали. Животы лечили. Только надо было верить тем бабкам. Мы верили. Они всё могли. Вот и меня бабка Катерина выходила. Очухался я на десятый день. Увидел свою спасительницу. Она стояла у печи и варила зелье. Пахло смолой, травой и ещё какой-то чертовщиной. В теле моём была лёгкость. Рука, которую бабка уложила в коряные лубки, не болела. Глаза открыл. Теперь оклемается, — услышал я её шёпот» (*Басаргин* 2016: 468).

Та же баба Катя лечила и выхаживала главного героя романа «Дикие пчелы» Устина Бережнова: «Из револьверта стреляли. Рана знакомая, худая рана. Не скоро заживёт, — ворчала баба Катерина, извлекая раздробленные косточки из раны, промывая её спиртом. — Жить будет. Обвысил стрелок, чуток бы ниже — и не жилец. Залила рану пихтовой смолой, туго перетянула тонкой холстинкой. Напоила отваром трав» (*Басаргин* 2016: 299).

Персонажи знахарок упоминаются также в произведениях других авторов, хоть и не часто. У С. И. Петрова это баба Агафья, лечившая детей от оспы (*Петров* 2007: 122). Функциями знахарки-травницы, которая хорошо помнит опыт своего «дедуся» и интересуется свойствами растений, наделена юная героиня Лариса в повести В. Г. Христофорова (*Христофоров* 1981: 313–314). Знахарство — неотъемлемая часть народной медицины восточных славян — нашло отражение в произведениях художественной литературы. Литературные персонажи наделены обязательными для знахарей качествами — отзывчивостью, умением применять лекарственные растения, знанием заговоров и т. п.

Лечение продуктами животного происхождения

Учились славянские переселенцы и использованию в лечебных целях продуктов животного происхождения. Панты, молодые неокостеневшие рога изюбра (Сысоев 1960: 106), использовались как тонизирующее средство: «Панты, те тожить помогают люду, излечивают болести» (Басаргин 2016: 496). Славяне узнали о ценности пантов от местного населения: «Мой знакомый удыгеец Гамбу Кялендзига хранил как драгоценность рожки убитого им на Улунге горала, строгал их ножом, стружки клал в рот и запивал водой. По его словам, «панты горала имели большую целебную силу»» (Сысоев 1960: 126).

Широко использовалась в народной медицине медвежья желчь, которой лечили раны и ожоги, некоторые заболевания внутренних органов: «Желчью медведя можно любую рану залечить, желудок поправить» (Басаргин 2016: 496), «Я принёс тебе гусяного жиру, который смешал с медвежьей желчью. Помажь (ожог). Станет легче» (Басаргин 2016: 496). Для усиления целительного эффекта желчь смешивали с другими ранозаживляющими средствами: «Макар, где не мог зализать раны пёс, например, на шее и голове, залепил их пихтовой смолой, засыпал медвежьей желчью, лекарство знакомое, лечит без осечки, уложил на топчан и не отходил от пса. Через три недели пёс был совершенно здоров» (Басаргин 2016: 282). Медвежья желчь была одним из универсальных средств, которые могли помочь при самых разных проблемах со здоровьем: она «от желудка помогает» (Жиденков 1982: 201), лечит печень (Балабин 1978: 137), «чихай, живот болит — лечи надо» (Деменов 2001: 10). Желчь медведя заготавливали впрок: «Цой Ен Ген, с разрешения Ефимки, несколько раз окунул желчный пузырь (медведя) в чугунок с кипящей водой, пока содержимое не превратилось в затвердевшую коричневую лепешку» (Деменов 2001: 10), а некоторые способы заготовки требовали немалого умения: «Приготовить желчь медведя для долгого хранения — это целое искусство. Варить ее нужно на медленном огне. Секрет заключается в том, чтобы ни в коем случае не переварить, а если ее не доварить, то хранить долгое время желчь не рекомендуется» (Кортелев 2011: 17). Полученное снадобье употребляли маленькими дозами: перед приёмом кусочек желчи со спичечную головку растворяли в кипятке (Деменов 2002: 10). Кроме медвежьей желчи, применяли и другие продукты животного происхождения, например, печень тигра для приготовления мази от обморожений (Жиденков 1982: 104) или порошок из его костей, к тому же наделенный, по мнению рассказчиков, магическими свойствами: «А порошок из тигровых костей? Кто ест такой порошок, тому не страшен никто. Но в то же время это — сильное лекарство, не слабее скажем корней женьшеня или пантов изюбра. Можно вылечить большое сердце, сломанные кости и даже чахотку» (Басаргин 2016: 52). Без сомнения, использованию экзотических средств лечения восточных славяне учились у местных народов.

Также немаловажным снадобьем оказался жир животных. Так, жир кабана или медведя применялся как ранозаживляющее средство (Князев 1976: 129; Сысоев 1960: 50), а гусяным лечили обморожения (Сысоев 1960: 134), соленым свиным салом смазывались от укусов мошки (Деменов 2002: 140). В новых таежных условиях переселенцы учились использованию всех доступных средств лечения, в том числе и продуктам животного происхождения.

Вода как средство профилактики заболеваний

Много внимания уделялось использованию в быту чистой проточной воды, потому что «считается, что в проточной речке ангелы святят воду» (ЛАТ Дн. № 6. Л. 9–9 об.). По этой причине «Речку... чистили, как лёд сойдет, вода сойдет. В основном чистили мужики. Никогда ни зимой, ни летом ничего в речку не бросали. Речки берегли. В речке проточная вода» (ЛАТ Дн. № 6. Л. 9–9 об.). Окапывание водой считалось превентивной мерой от разного рода заболеваний. Например, в магической практике обрызгивание водой применялось для лечения сглаза и испуга (Поповкина 2008: 48). Особенно внимательно относились к купанию и окапыванию водой детей: «Купали маленьких каждый день... Если в речке не купаются, такой туюсок стоял — не чистый и не поганый, помоются, потом детей из него окапывали чистой водой» (ЛАТ Дн. № 6. Л. 9–9 об.).

Внимание к воде отразилось в произведениях И. У. Басаргина. У старообрядцев считалось, что «неумытые глаза худо видят» (Басаргин 2016: 574), а утром необходимо «продрать глаза» — умыться холодной водой: «Меланья угощала их вкусными шанежками, как только они продерут глаза, плеснут в них холодной водой» (Басаргин 2016: 98). Плескание водой аналогично использованию проточной воды или окапыванию водой маленьких детей. Схожим образом поступали при стирке белья: «Мама, если дома стирала, говорила — нужно обязательно слить хоть из ковша на каждую постиранную вещь. Летом — так из колодца. И я так делаю: хоть ковшичек, да сольешь» (ЛАТ Дн. № 6. Л. 9–9 об.). Представления о целебных и дезинфицирующих свойствах проточной воды отразились и в обычае мыть в реке посуду, бывшую в использовании у иноверцев: «Если приезжих накормят из своей посуды, будут мыть с молитвой обязательно на речке — проточная вода. Даже каждую неделю носили на речку ухваты и чугуны мыть» (ЛАТ Дн. № 6. Л. 9–9 об.).

В традиционных представлениях восточных славян проточная вода считалась всегда чистой и наделялась лечебными и магическими свойствами. Она характеризуется как «живая», «здоровая», «сильная», «ходовая», «быстрая», «резвая», «молодая» и противопоставляется стоячей воде («мертвой», «мутной», «ржавой», «старой», «гнилой»). В народной магии движущаяся вода соотносится с символической силой, напора, быстрого роста, развития, стойко связывается с очищением от негативного воздействия, с живительной силой и т. п. (Виноградова 2002). Видимо с этими представлениями связаны обычаи использовать воду как профилактическое средство от заболеваний и придавать воде движение посредством плескания или выливания (при умывании и мытье).

В произведениях дальневосточных писателей народная медицина предстает как живая повседневность, неотъемлемая часть жизни в таежных условиях. Описываемые эпизоды вполне соотносятся с выводами исследователей. Так, во многих аспектах овладения навыками выживания в новом природном и культурном ландшафте первенство принадлежит старообрядцам, которые раньше других переселенцев переняли у живших на Дальнем Востоке народов способы использования таёжного сырья и приспособления к окружающей природной среде. Как отмечает Ю. В. Аргудяева, научившись сами, староверы помогали восточнославянским переселенцам постигать новые приемы, в числе которых и умение заготавливать впрок плоды целебных растений. Например, они научили украинцев «делать березовый квас, медовуху (бражку), настойку для аппетита (из листьев женьшеня), сушить впрок мясо и ягоду,

заготавливать плоды лимонника, дикого винограда, актинидии, орехов, разбираться в грибах...» (Аргудяева 2002). Однако, не все предлагаемые китайцами способы адаптации к новой среде и составу пищи находили одобрение у старообрядцев: «... Не садили и чеснок, нельзя — китайская еда — грех» (ЛАТ дн.6). Но со временем они стали использовать как противоязвенное средство черемшу и приучили к этому переселенцев украинцев и белорусов (Аргудяева 2000: 180). Материалы других исследователей также свидетельствуют о том, что славяне в новых условиях учились у местного населения применению экзотических средств лечения: «Много учили китайцы и корейцы, старoverы. Мои родители рассказывали об этом. Китайцы научили заваривать и делать настойки из корня элеутерококка. Использовать желчь и струю кабарги — они практически от всего. Китайцы научили женьшень собирать. Первопоселенцы же его не знали» (Поповкина 2008: 116).

Как видно из представленного материала, в этнографической литературе мало подробностей освоения таёжного сырья в лечебных целях. Освещены особенности этнокультурной адаптации славянских переселенцев в дальневосточном регионе, однако изменения в традиционной медицине изучены недостаточно. Одним из немаловажных источников в этом случае могут стать произведения художественной литературы, предоставляющие, в отличие от имеющихся научных работ, вниманию исследователя широкий спектр достаточно подробных описаний применения бытовых лекарственных средств и в сопоставлении с полевыми материалами способны дополнить, уточнить имеющиеся сведения или побудить пересмотреть и уточнить их. Таким образом, можно говорить о том, что литературные произведения писателей-дальневосточников могут явиться дополнительным источником для изучения народной медицины славянских переселенцев в их взаимодействии с местным населением, другими переселенцами, выявления особенностей адаптации к новой культурной и экологической среде, а в некоторых случаях выступить причиной для пересмотра и уточнения уже имеющихся сведений.

Благодарность

Автор выражает глубокую благодарность краеведу Татьяне Александровне Тюнис и члену клубного краеведческого объединения «Исток» библиотеки им. И. У. Басаргина Цилирике Раисе Григорьевне, г. Владивосток.

Источники и материалы

- Байков 2009 — Байков Н. А. Великий Ван. Владивосток: Тихоокеанское изд-во «Рубеж», 2009.
- Балабин 1978 — Балабин С. П. Егерь: повесть. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1978. 240 с.
- Басаргин 1971 — Басаргин И. У. Волчья ночь: Повесть и рассказы. Владивосток: Дальневост. книжн. изд-во, 1971.
- Басаргин 2016 — Басаргин И. У. Дикie пчелы: Избранные произведения. Владивосток: Рубеж, 2016.
- Басаргин 2008 — Басаргин И. У. Черный Дьявол: Повесть. Владивосток: изд-во МГУ им. Невельского, 2008.
- Вознюк 1979 — Вознюк Ю. В. Тепло отгоревших костров: повести, рассказы, очерки. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1979.

- Деменов* 2009 — *Деменов М. С.* Аленький цветок Арсеньева: повести и рассказы. Владивосток, 2009.
- Деменов* 2002 — *Деменов М. С.* У залива Виктория: Роман. Владивосток: Дюма, 2002.
- Жиденков* 1982 — *Жиденков Б. А.* Петля тайги: Роман. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1982.
- Князев* 1976 — *Князев Л. Н.* Залпы в тайге: Повести. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1976.
- Кортелев* 2011 — *Кортелев Н. А.* Таежные истории: Рассказы. Кавалерово, 2011.
- Петров* 2007 — *Петров С. И.* Зеленый рай. Арсеньев: Дар, 2007.
- Петров* 1983 — *Словарь русских говоров Приамурья.* М.: 1983.
- Сысоев* 1960 — *Сысоев В. П.* Охота в дальневосточной тайге. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1960.
- ЛАТ — личный архив краеведа Тюнис Татьяны Александровны
- Христофоров* 1981 — *Христофоров В. Г.* Пленник стойбища Оемпак: Повесть и рассказы. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1981.

Научная литература

- Аргудяева Ю. В.* Взаимодействие и взаимовлияние аборигенных, восточнославянских и восточноазиатских народов в условиях Дальнего Востока (вторая половина XIX — начало XX в.) // *Азиатско-Тихоокеанский регион в глобальной политике, экономике и культуре XXI века.* Междунар. науч. конф. 22–23 октября 2002 г. Матер. докл. Хабаровск: б/и, 2002. С. 16–25.
- Аргудяева Ю. В.* Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. — начало XX в.). М.: ИЭА РАН, 1997.
- Аргудяева Ю. В.* Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М.: ИЭА РАН, 2000.
- Виноградова Л. Н.* Та вода, которая... (Признаки, определяющие магические свойства воды) // *Признаковое пространство культуры.* М.: Издательство «Индрик», 2002. С. 32–60.
- Кирилов Н. В.* Огородная культура женьшеня // *Приморский хозяин*, 1913, № 8. С. 1–5.
- Подмаскин В. В.* Этномедицина и этнодиетология в истории и культуре народов Дальнего Востока России (XVIII–XX вв.). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН; Владивост. гос. мед. ун-т Минздравсоцразвития России, 2011.
- Поповкина Г. С.* Знахари и знахарство у восточных славян юга Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2008.
- Фетисова Л. Е.* Семейные традиции народной медицины восточно-славянского населения на юге Дальнего Востока России // *Семья и семейный быт в восточных регионах России.* Владивосток: Дальнаука, 1997. С. 139–154.

References

- Argudyaeva, Yu. V., 2002. Vzaimodeystvie i vzaimovliyanie aborigennykh, vostochnoslavyanskikh i vostochno-aziatskikh narodov v usloviyakh Dal'nego Vostoka (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.) [Interaction and Mutual Influence of Aboriginal, East Slavic, and East Asian Peoples in the Far East (second half of the 19th — beginning of the 20th century)]. In *Aziatsko-Tikhookeanskiy region v global'noy politike, ekonomike i kul'ture XXI veka* [Asia-Pacific in Global Politics, Economics, and Culture in the 21st Century.]. Khabarovsk. 16–25.
- Argudyaeva, Yu. V., 1997. *Krest'yanskaya sem'ya u vostochnykh slavyan na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (50-e gody XIX v. — nachalo XX v.)* [Peasant family among the Eastern Slavs in the south of the Russian Far East (50s of the 19th century — the beginning of the 20th century)]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS.
- Argudyaeva, Yu. V., 2000. *Staroobryadtsy na Dal'nem Vostoke Rossii* [Old Believers in the Russian Far East]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

- Fetisova, L. Ye., 1997. *Semeynyye traditsii narodnoy meditsiny vostochno-slavyanskogo naseleniya na yuge Dal'nego Vostoka Rossii*. In *Sem'ya i semeynyy byt v vostochnykh regionakh Rossii* [Family and Family Life in the Eastern Regions of Russia]. Vladivostok: Dalnauka. 139–154.
- Kirilov, N.V., 1913. *Ogorodnaya kul'tura zhen'shenya* [Garden culture of ginseng]. *Primorskiy khozyain* 8: 1–5.
- Podmaskin, V.V., 2011. *Etnomeditsina i etnodiyetologiya v istorii i kul'ture narodov Dal'nego Vostoka Rossii (XVIII–XX vv.)* [Ethnomedicine and ethnodietology in the history and culture of the peoples of the Far East of Russia (XVIII–XX centuries)]. Vladivostok.
- Popovkina, G.S., 2008. *Znakhari i znakharstvo u vostochnykh slavyan yuga Dal'nego Vostoka Rossii* [Witch doctors and witchcraft among the Eastern Slavs in the south of the Russian Far East]. Vladivostok: Dal'nauka.
- Vinogradova, L.N., 2002. *Ta voda, kotoraya...* (Priznaki, opredelyayushchie magicheskie svoystva vody) [The water that ... (Signs that determine the magical properties of water)]. In *Priznakovoe prostranstvo kul'tury* [The sign space of culture]. Moscow: Indrik. 32–60.